

ПРЕДИСЛОВИЕ
АВТОРА

Сразу признаюсь: еще три года назад я совершенно определенно говорил: писать о великом князе Владимире Святославовиче я не буду.

Почему? Страшно.

Образ князя Владимира, который вырастал в моем сознании в процессе сопоставления литературных источников, вариантов отечественных летописей, зарубежных хроник и археологических данных, — образ этот мне нравился все меньше и меньше. Противоречивые гипотезы ученых — историков и филологов — только ухудшали ситуацию. Мой образ Владимира все дальше уходил от той величественной фигуры, которая возникает в сознании каждого православного человека, да и не только православного — любого законсневшего атеиста, который еще помнит школьный курс истории. Святой князь Владимир оказывался не просто далек от идеала. Он был ему прямо противоположен. Правитель жестокий и беспринципный даже для своего сурового времени, Владимир Святославович пришел к власти под знаменем воинствующего язычества и, заняв киевский стол, старательно и безжалостно выжег все ростки христианства, посаженные княгиней Ольгой (и успешно укоренившиеся). А затем, в угоду политической конъюнктуре, предал тех, кто привел его к власти, и не менее безжалостно и последовательно осуществил насильственное (зачастую — огнем и мечом) крещение собственного народа.

Стоит ли эксгумировать прошлое, если в результате будет поражено настоящее? Святой князь Владимир — это ведь не только исторический персонаж. Это — *исторический миф*.

А что есть исторический миф?

Это основа народного самосознания.

Краеугольный камень того фундамента, на котором стоит великая культура великого народа. Владимир Красное Солнышко, Ярослав Мудрый, Александр Невский, Иван Грозный, Петр Первый...

Это не имена — это Символы. Догмы. Для социума же правильный, позитивный *символ* намного важнее, чем правда о его историческом прототипе. Одно дело — копаться в истории, чтобы удовлетворить собственное любопытство, а совсем другое — вытащить на всеобщее обозрение тот самый «краеугольный камень». Причем уже зная, что зрелище будет далеко не благолепное.

Дело даже не в том, что Владимир — центральный столп православной веры.

Настоящую веру никакими историческими экскурсами подорвать невозможно, иначе это и не вера вовсе, а всего лишь убеждение.

А вот социальную основу православия как культурной традиции жестокий и прагматичный политик Владимир в роли Крестителя Руси точно не укрепит.

«Ага! — обрадуются все недоброжелатели православной церкви. — Мы знали, мы знали, что они всё врут! И летописцы ихние всю историю по-своему переписали!»

А ведь действительно переписали. Хотя даже того, что осталось...

Враги возрадуются, друзья огорчатся, а сомневающиеся — отвернутся.

Будь я правильным ученым-историком, меня подобный социальный аспект ничуть не смутил бы. Вот вам, уважаемые коллеги, факты, которые нарыты. Вот научная теория, на основе этих фактов сработанная. Вот реферат диссертации на соискание ученой степени (тираж —

100 шт.) и статья в научном журнале (тираж — 200 шт. + рассылка в Инете). Честно проделанная работа, о которой будет знать лишь узкий круг коллег... Которым и так все известно.

Но я не ученый-историк. Я — писатель. Книгу, которую я напишу, прочитают не двести специалистов, а минимум полмиллиона человек. И некоторые из них (не дай-то Бог!) усомнятся в православных догматах. А православие, что бы там ни утверждали последователи воинствующего атеизма, это такая важная часть нашей культуры, что вынь эту часть — и ничего от этой культуры не останется. Один гламур и пародирующие секс-меньшинства.

Словом, есть в историческом фундаменте такие камни, которые лучше не трогать. Поелику — краеугольные.

Нет, такого Владимира я написать не мог. А другого...

Я честно искал в сыне Святослава положительные черты — и не находил их.

Но я чувствовал: что-то остается за кадром. Что-то, спрятанное в многократно переписанных, более или менее отшлифованных летописях.

Я пытался понять — что? И не мог.

Я дико завидовал тем, кто пишет исторические романы, опираясь на скандинавские саги. Крестители Швеции, Дании, Норвегии — они понятны. Их логика и мотивация, их действия и образ мыслей — вот они, на блюдечке.

А вот для понимания Владимира чего-то не хватало.

Русские летописи не облагораживали внебрачного сына Святослава. Зарубежные источники — тоже. Зато те и другие отмечали: крестившись, Владимир переменялся. Кардинально. Это было непонятно. Факты гласили: Владимир принял крещение не потому, что *прозрел*. У него была конкретная цель — получить в жены порфирородную кесаревну. Причем это было просто условие, а не часть сделки. Плата за принцессу — военная помощь в подавлении вспыхнувшего в империи восстания. Если верить нашим источникам, Владимир «продал» Византии несколько тысяч собственных воинов. Византийские источники

позволяют допустить, что он не продал их, а повел сам. Лично. Впрочем, это тоже не более чем предположение. Допустимо, но не бесспорно.

Как было на самом деле, мы не узнаем никогда. Так же как никогда не узнаем доподлинно, где именно Владимир принял крещение.

Но мы знаем точно: Владимир крестился. И крестил своих подданных, причем сделал это так, что нанес непоправимый вред собственной популярности. Зачем?

Владимир-язычник — понятен. Будучи слабым — бежал. Став сильным — напал. Не очень ясно, зачем он *убил* Ярополка. Все-таки брат... Но и этому можно найти объяснение. Например, чисто языческими правилами правопреемственности. Еще в античные времена царь был звеном между народом и богами. Если царь убит, значит, боги поддержали не его, а соперника. Закономерный вывод: убийца царя получает законное право на приоритет в общении с богами. И — как следствие — на престол убитого. Понятно и логично искоренение христиан, разграбление и разрушение церквей. Победитель расправляется с побежденными, повышает собственное благосостояние и попутно выстраивает свою инфраструктуру управления. Собственную паутину власти. Жестокость тоже вполне естественна. Языческие боги любят человеческую кровь.

Однако крещение Руси происходит совсем в других условиях. Владимир уже не молодой и жадный завоеватель. Он — зрелый и опытный единовластный правитель. Самодержец. У него мощное войско, немалые средства и целая прорва наследников. У него надежные союзники и немалый авторитет. И он *уже* получил свою царевну. Константинополь не может ему диктовать, как именно следует крестить народ. Не те у них взаимоотношения. После фокуса с подменой кесаревны Владимир мог вообще пересмотреть условия соглашения. Он и пересмотрел их, когда занял Корсунь-Херсонес. Ему никто не мешал провести религиозную «реформу» плавно и постепенно. Как это делала его бабка Ольга. А Владимир взял да и порубил народных

кумиров. В шепки. Демонстративно. Кумиров, которых сам же и поставил. А затем погнал свой народ к Святому Крещению копьями дружинников. Почему?

Три года назад я так и не нашел ответа на этот вопрос.

На какое-то время забыл о десятом веке. Писал «Утро судного дня» (демиургический сплав ближайшего будущего и совсем глубокого прошлого), переработал свой старый роман «Паника» — еще более крутой замес языческих мифов, животной похоти и первичного разрушительного начала, которому человек слабой души не то что не может — *не хочет* противиться...

Словом, я выбирал для работы менее острые темы. Отдыхал. Потому что писать вне живого исторического контекста намного легче.

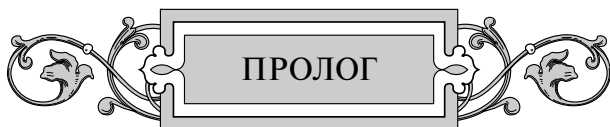
В общем, я уклонялся от вызова, пока не почувствовал, что — пора. И рискнул. Не зная ответа на главный вопрос, не видя «живого» Владимира, я для начала просто реконструировал время и позволил героям (Владимир был лишь одним из них) действовать внутри исторического контекста. И лишь когда первая книга уже была на три четверти написана, я вдруг понял: моя диалогия о Владимире будет не историей князя, который крестил Русь. Это будут книги о том, как (словом и делом, огнем и железом) была проведена черта в человеческих душах. До — язычество. После — христианство. Подвиг Владимира, на мой взгляд, не в том, что он надел крестики на шеи людей. Многие из них носили кресты и раньше: для язычника лишний оберег — не в тягость. Многие из тогдашних христиан (в том числе и моих героев) были полухристианами-полуязычниками. Даже те, кто не приносил жертвы Сварогу и Велесу, жили в языческом мире, и мир этот органично вписывался в их самосознание. Величие же князя Владимира Святославовича в том, что он сумел выйти из этого мира. Вышел сам и вынудил выйти из язычества свой народ. Народ, которому было вполне уютно в тени священного дуба и который вовсе не собирался эту тень покидать. Владимир не стал уговаривать своих людей обратиться к Свету. Он просто

срубил дуб. Взял да и уничтожил родных и привычных старых богов. Физически. Всех, до кого смог дотянуться. Демонстративно и жестоко, как когда-то разрушал церкви и убивал христиан.

И следует помнить, что тот языческий мир, который разрушил Владимир, был его собственным миром. И Владимир уничтожил этот мир. Свой собственный. Так святой князь Владимир показал (действием, собственной жизнью): язычник не становится христианином. Он — перерождается. Владимир до крещения и Владимир после таинства — это совершенно разные люди. Он сам стал бессмертным доказательством того, что никакого единения христианства и языческих верований быть не может. Или — или. И любой из нас, кто крещен и верит, должен это понять. Или — снять крест и отправляться к неоязычникам резать кошек. Сначала — кошек...

Идет война. Она идет тысячи лет. Я не призываю вас, мои читатели, подняться в атаку. Я — не герой-полководец, я всего лишь писатель. Но я попробую показать вам воителя, стяжавшего в величайшей из войн славу, многожды превосходящую ту, что заслужил его отец, покорявший царства. Я попробую показать вам великого князя Владимира Святославовича. Его и тех, кто был с ним. И — против него...

Сватовство

*Стольный град Полоцк. Лето 973 года
от Рождества Христова*

Рогнеда, княжна полоцкая и единственная дочь князя полоцкого Роговолта, скривила нежный ротик. Лицо же сделала такое, будто ей предложили выйти замуж за мохноногого анчутку.

— Князь... — Пухлые губки княжны выговорили слово — будто сплюнули. — Наймит новгородский господин твой, а не князь!

Боярин и воевода Добрыня, политик и воин, умевший, не моргнув, принимать летящие стрелы кочевников, копья викингов и камни от буйного новгородского вече, дернул щекой, будто его хлестнули плетью.

Широкий, приземистый, мощный, с окладистой бородой и мясистым широким носом, он разительно отличался от Роговолта и его сыновей, высоких поджарых варягов с гладкими крутыми подбородками, вислыми усами и носами прямыми, как лезвие метательного ножа.

— Рабичич! — подстегнутая молчанием старшего посла и свата, надменно бросила Рогнеда. — Что он о себе возомнил? Что дочь полоцкого князя будет снимать сапоги сыну холопки?

Звонкий и звучный голос девушки был слышен не только тем, кто сейчас находился в теремной зале, но даже холопам, прибиравшим во дворе.

Послы новгородского князя Владимира, именитые люди, бояре и тысячники, известные и в Полоцке, и даже в Киеве, не смели поднять глаз.

Если бы с Добрыней приехали ближние князя Владимира, то слова Рогнеды были бы оскорблением одному лишь Владимиру. Но Добрыня не зря позвал в сваты именно коренных новгородцев. Те охотно согласились, потому что — лестно и почетно. Да и сама мысль — женить Владимира на Рогнеде — Новгороду была по сердцу. Соперничество с Полоцком недешево стоило Господину Великому Новгороду.

Роговолт в предварительной пересылке отнесся к сватовству без недоброжелательства. Поставил лишь условием: как любимая доченька решит, так и будет.

Доченька решила. Так оплевала, что тремя рушниками не утереться.

Оскорбили не только Владимира. Оскорбили Новгород.

Сваты не поднимали глаз. Стыд-то какой... И что теперь? Войну объявить?

Один лишь старший над посольскими, воевода Добрыня, дядька и наставник новгородского князя Владимира Святославовича, глаз не опустил. Глядел прямо на гордую княжну, и взгляд его был... Мало сказать — нехороший. Кабы взглядом можно было пронзать, как копьем...

Седой, величественный Роговолт, князь полоцкий, укоризненно покачал головой. Резкость дочери ему не понравилась.

Пусть мать Владимира действительно холопка, но все же Владимир — первенец великого князя Святослава, князь (пусть и выборный) града Новгорода и добрый воин, уже стяжавший себе славу человека удачливого и хитрого. А к славе в придачу — богатства немалые, железом добытые. Оскорблять Владимира — не слишком умно. Тем более говорить такое в глаза Добрыне, сестра которого и есть та самая холопка, что родила Владимира.

Новгород и Полоцк — известные недоброжелатели. Владимир хоть и молод, а уже немало крови Роговолту по-

портил. Однако полоцкий князь знал: за отважным Владимиром почти всегда стоит умный и коварный дядька Добрыня. Кто из них опасней — сразу и не скажешь.

Роговолт не одобрил резкость дочери, но обрывать ее не стал — это было бы знаком слабости. А князь-варяг слабым себя не мнил. Здесь, на севере, считал, равных ему нет. Родниться с новгородским князем он с самого начала не собирался. Изрядный кусок полоцких доходов — от пошлин, взимаемых с новгородских купцов, а стань Владимир зятем Роговолта, и вполне может попросить снизить сборы на волоках. И Роговолту будет очень трудно отказать родичу.

Была еще одна причина, по которой Роговолт не хотел этого брака.

Капризно новгородское вече. А ну как пожелает себе другого князя. И куда тогда пойдет Владимир? К тестю, разумеется. И по древнему праву станет таким же претендентом на полоцкий стол, как и сыновья Роговолта. Причем претендентом очень опасным.

И, наконец, последний довод: такой брак вряд ли понравится Ярополку Киевскому, недолюбливавшему полубрата и коему самостоятельность Полоцка уже давно не по нраву. Как всякий христианин, Ярополк исповедовал принцип: один Бог на небе, один правитель — на земле. Однако Полоцк нужен Киеву как противовес Новгороду. А если Новгород и Полоцк объединятся, то у Киева будет лишь два выхода: либо отказаться от своих северных земель, либо прийти туда со всей силой и сделать вольных князей наместниками... Или вовсе сместить.

Драться с Киевом Роговолт не хотел. Прямо отказывать Новгороду — тоже. Рассчитывал на то, что если откажет Рогнеда, то политически такой отказ будет выглядеть мягче. Мол, не люб княжне Владимир, ничего не поделаешь.

Хотел помягче, вышло — наоборот.

— Никогда! — провозгласила Рогнеда. — За рабичича — никогда! Вот за сына законного, Ярополка Святославовича, — пойду!

Отчасти Роговолт был сам виноват. Вчера он долго толковал с дочерью, наговаривая ей против Владимира. Наговорил на свою голову.

«Надо будет потом побеседовать с Добрыней, — решил Роговолт. — Пусть он — из смердов, но ссориться с ним ни к чему. Объясню, что не мои слова говорит княжна, а собственные. С девки же — какой спрос?»

Однако эта в общем верная мысль запоздала.

Не дожидаясь очередного оскорбления, Добрыня повернулся и, не прощаясь, не сказав ни слова, пошел прочь.

За ним потянулись остальные новгородцы.

Обиделся воевода нешуточно.

«Ну и вороны с ним», — подумал Роговолт.

Невелика шишка. Вот прознает про великие замыслы Владимира (Новгород и Полоцк объединить) киевский князь, осерчает — и погонит брата из Новгорода. А наместником поставит кого-нибудь из своих бояр. Новгород, конечно, пошумит-пошумит — да недолго. С Киевом бодаться им резона нет. Мимо Киева к ромеям не попасть. Прежде через хузар ходили, но Святослав хаканат разгромил, а взять под себя великий путь не успел. Теперь там печенег да прочие разбойники жируют. Так что придется Новгороду плясать под киевскую дудку.

Опытен Роговолт. Много перевидал за свою долгую и обильную событиями жизнь. Научился предвидеть будущее не хуже ведуна. И действия Киева Роговолт угадал, и действия новгородцев.

А вот Святославова первенца недооценил старый князь.

И расплатился за свою ошибку — высшей мерой.

Часть первая
КНЕВ И НОВГОРОД